

Татьяна
ПОЛЯКОВА

ЛЕДИ
ФЕНИКС



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Редактор серии *Л. Латышова*
Оформление серии *Д. Сазонова*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 **Леди феникс : [роман] / Татьяна Полякова. —**
Москва : Эксмо, 2027. — 320 с.

ISBN 978-5-04-254543-6

Ольга Рязанцева не может разобраться в своих чувствах: ждет ребенка от одного мужчины, живет и работает у другого, а третий любимый и вовсе исчез в водовороте жизни. Волею судьбы она оказалась втянута в расследование двух преступлений, на первый взгляд не связанных между собой. Ольга понимает: вот-вот должно случиться какое-то очень страшное и опасное событие, но она и не подозревает, что действующими лицами этой игры станут трое ее мужчин, а на кону стоит ее жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-254543-6

© Полякова Т.В., наследники, 2027
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2027

Берег встретит героя,
Берег встретит врага,
Нас всегда было двое,
А теперь только я.

В. Бутусов. «Берег»

Паренька было жаль. Он голосил так отчаянно, с такой обидой смотрел на мир, что мог разжалобить более жестокосердное существо, нежели я. Тут выяснилось, что подобных существ немного: похоже, никто, кроме меня, не обратил внимания на бедственное положение мальчишки. Народ сновал по площади туда-сюда, занятый своими проблемами, и, казалось, вообще ничего не замечал вокруг.

Десять минут назад я влилась в толпу, оставив свою машину в переулке. У меня была назначена встреча в кафе на Дворянской, а эта улица с некоторых пор стала пешеходной зоной, так что попасть туда я могла только на своих двоих. С унылым видом, глядя на себе подобных, я шла через площадь, когда там появилась компания подростков на роликах. Они быстро двигались, рассекая толпу, траектории их сходились, расходились и вновь соединялись, а по толпе прошел ропот недовольства, потому что ребята на роликах кружили по площади не просто так, а с целью, которую правоохранительные органы охарактеризовали бы как мелкое хулиганство: кого-то толкнут, с кого-то сорвут бейсболку, а вот у вопящего паренька вырвали из рук мобильный. Он шел неподалеку от меня и болтал по телефону, когда рядом возник тип на роликах, в свитере с большим во-

6 ротом, натянутым на нос, и в бейсболке, прикрывавшей верхнюю часть лица, так что разглядеть физиономию парня было невозможно, вырвал трубку из рук мальчишки и через мгновение скрылся с глаз, оставив в душе недавнего обладателя мобильного обиду на судьбу и попранное чувство справедливости. Пареньку на вид было лет десять, и впереди его ждала долгая жизнь, в которой обидам места хватит, и мне ничто не мешало двигаться дальше, посетовав на уличное безобразие, но я подошла к нему и со вздохом спросила:

— Ну и чего ты вопишь?

Он закрыл рот и взглянул на меня с откровенной надеждой, готовясь переложить на мои плечи свои проблемы, размазал по щекам слезы и ответил:

— Мобильный украли.

— Вижу, что украли, — опять вздохнула я и кивнула. — Идем.

— Куда?

— В милицию, конечно.

— В милицию? — растерялся он. — Зачем?

— Заявление писать.

Отделение милиции располагалось в переулке неподалеку. По дороге паренек, которого звали Ваней, торопливо и довольно бестолково поведал мне историю утраты мобильного телефона. Если учесть, что я была свидетелем данного события, история особого впечатления не произвела.

В отделении мы долго сновали от одного кабинета к другому, пока какой-то милиционер вдруг меня не узнал.

— Что случилось-то? — поинтересовался он с печалью в голосе, мое присутствие в коридорах родного отделения счастливее его отнюдь не сделало.

— У Ваньки мобильный украли. Вырвал из рук парень на роликах на площади.

— А-а... — кивнул он. — Опять эти роллеры. 7

— Что, очень досаждают? — спросила я.

Он пожал плечами:

— Да не то чтобы очень, но бывает. Три заявления уже есть, каждый раз одно и то же: выхватывают из рук мобильный — и деру.

— Но если три заявления уже есть, пора бы принять меры, — без особой уверенности произнесла я.

Слуга закона опять пожал плечами:

— Пора, конечно, только разве их поймашь? Они то в одном конце города возникнут, то в другом... На площади детни на роликах всегда полно, отличить грабителей от тех, кто просто катается, невозможно. Если установить здесь пост, то конечно... но это сколько людей надо, а у нас полно дел посерьезнее, чем всякую шпану ловить.

— Ясно, — кивнула я. — Заявление примете?

— Конечно, — порадовал он, разведя руками.

Минут десять ушло на заявление. Ванька, который поначалу оживился и смотрел по сторонам с интересом, свято веря, что взрослые дяди и тети, в большом количестве проходящие мимо, моментально бросятся искать его телефон, понемногу сник, сообразив, что особо никто не пошевелится. Когда заявление было написано и мы покинули кабинет, он с грустью спросил:

— И что теперь? — Взгляд его был суров, хоть и обращен не по адресу. А мне вдруг стало стыдно, хотя ловить шпану на улицах в мои обязанности никогда не входило.

— Если парня отыщут... — начала я и замолчала.

— И ничего сделать нельзя? — с душевной болью поинтересовался он.

— Видишь ли...

— Мне отец телефон подарил, — он не сдержался и заревел, отворачиваясь от меня.

- 8 — Понимаю. Объяснишь ему, в чем дело.
- Не объясню, — вытерев слезы кулаком, буркнул парнишка. — Его убили.
- Кто? — растерялась я.
- Пьяный дядька на машине. Сбил и уехал. Отца спасти можно было, так мама сказала, но его только утром нашли.
- Да, — вздохнула я. — История. Дядьку пьяного отыскали?
- Он кивнул и вновь отвернулся.
- Ладно, найду я твой телефон, — сказала я. Теперь он смотрел внимательно, но все еще с сомнением.
- Найдете?
- Найду.
- Вы что, в милиции работаете?
- Вроде того. Будут новости — позвоню. До дома доберешься или подвезти?
- Доберусь.
- Тогда до встречи.
- Я пошла по коридору, но он окликнул меня:
- А вас как зовут?
- Ольга, — ответила я, оборачиваясь. — Ольга Рязанцева.

Проще всего было отправиться в ближайший магазин и купить телефон той же модели. Немного корпус покорябать, чтобы Ванька с уверенностью не мог сказать, его вещь или нет, и, сделав доброе дело, спать себе спокойно в надежде, что оно где-то там зачтется. Но... Дед бы наверняка сказал, что мне просто нечем себя занять. Должно быть, так и есть, потому что я твердо намерилась найти телефон, тот самый, который Ваньке подарил погибший отец.

Покинув отделение, я пересекла площадь и вышла на Дворянскую, безнадежно опоздав на встречу. Впро-

чем, не очень-то это меня беспокоило. Еще находясь в милиции, я предупредила пресс-секретаря фирмы «Лорен», что звезды воспрепятствовали нашему свиданию, и получила заверения, что он все прекрасно понимает и встретится со мной в любое удобное для меня время. В этом я не сомневалась. Хозяйева фирмы «Лорен» в решении своих проблем очень рассчитывали на поддержку Деда (отнюдь не безвозмездную, надо сказать), а пока довольно усердно «окучивали» меня. Весть о том, что любящие сердца соединились и мы теперь с Дедом живем одним домом, быстро распространилась среди тех, кто считал необходимым знать такие вещи, и мой личный рейтинг взлетел в заоблачные выси. Будь я чуть глупей, могла бы возгордиться.

Дед в наших краях являлся единовластным хозяином, а слыл ловеласом, что в глазах избирателей по неведомой причине было скорее достоинством. В конце концов, мог себе позволить, раз давно ходит во вдовцах. О его победах рассказывали с хитрой улыбкой и с дурацким подмигиванием, присочиняя на ходу, а иногда откровенно фантазируя. Но даже самым безупречным фантазиям было далековато до реального положения дел: все особи женского пола, хоть чем-то выделяющиеся из серой массы, были Дедом замечены и обласканы, и с каждой он умудрялся расстаться так, что дамы и через год, и через два, и даже через десяток лет готовы были примчаться к нему по первому зову и совершить в его честь что-нибудь глупое и героическое.

Вот таков был наш Дед, уже довольно давно облюбовавший дом с колоннами и, судя по всему, не собиравшийся его покидать. Злые языки утверждали, что он умрет на боевом посту, как генсеки в незапамятные времена. Сам Дед о такой перспективе говорил туманно и без охоты, но планов у него было громадьё, а здоровье отменное, так что, возможно, злопыхатели правы. С Де-

10 дом (это прозвище прочно утвердилось за ним еще с тех пор, когда он не был первым человеком в наших краях, а являлся успешным предпринимателем) нас связывали давние и весьма непростые отношения. Когда-то я была влюблена в него, потом вроде бы ненавидела. Теперь он был единственным близким мне человеком, хотя еще несколько месяцев назад я подумывала связать свою судьбу с Тимуром Тагаевым, несмотря на то, что наше совместное существование особенно радостным назвать было трудно.

Данному решению способствовал тот факт, что мне через некоторое время предстояло стать матерью, но Тимуру я рассказать об этом не успела, потому что он как раз в тот момент вознамерился выпустить меня на свободу, по его собственным словам. Свободу я встретила без энтузиазма, но об интересном положении продолжала молчать. К тому моменту наши отношения так запутались, что лучшим из возможных решений было хотя бы некоторое время держаться друг от друга подальше. Вот тут появился Дед и весьма настойчиво предложил мне переехать к нему. Разрыв с Тагаевым оказался куда более болезненным, чем я могла предположить, и потому я согласилась. Так что теперь мы жили под одной крышей, но наши отношения носили исключительно целомудренный характер. Дед продолжал избражать отца родного, а я — благодарное чадо. Черт знает почему мы не стали любовниками: может, он решил быть терпеливым и дать мне время во всем разобраться, а может, беременные бабы просто не вызывали у него желания. В любом случае меня это вполне устраивало.

Перебираясь на новое место жительства, я не очень-то верила, что задержусь здесь надолго. Прежде всего Дед терпеть не мог моего Сашку, рыжую таксу со скверным характером, а Сашка, естественно, не жаловал Деда. Одного этого за глаза бы хватило, чтобы разве-

хаться в первую неделю, но оба, точно сговорившись, вели себя образцово. Дед соглашался с тем, что Сашка гениален, а тот в знак признательности приносил ему тапки, позволял себя гладить и даже вместе с ним смотрел телевизор. Повод скандалить отпал, не возникнув, и я у Деда задержалась. Месяц назад он, как бы между прочим, заметил, что до декретного отпуска мне еще далеко и я вполне могу выйти на работу. Надо сказать, что я все еще числилась его пресс-секретарем, хотя частенько об этом забывала.

На самом-то деле я была дамой для особых поручений, далеко не всегда приятных (если честно, приятных поручений я так и не смогла припомнить, хотя потратила на это целый вечер), но беременные бабы для такой работы малопригодны, по мнению все того же Деда. Так что ничего пакостного от судьбы в этом смысле я не ожидала, поразмышляла немного и согласилась, в основном потому, что чужая квартира вгоняла в тоску. Работа помогает отвлечься, по утверждению психологов, вот так я и оказалась в родном кабинете, который, как выяснилось, все это время, пока мы с Дедом выясняли отношения, пустовал. Мое появление в доме с колоннами его свита восприняла сдержанно. Я уже пару раз уходила вроде бы навсегда, но потом возвращалась, и к моему мельканию успели привыкнуть.

Кабинет вызвал ностальгию вкупе с угрызениями совести. Угрызения в основном сводились к тому, что я знать не знала, что мне здесь делать. Я подозревала, что Дед желает видеть меня здесь по одной причине: боится, что от безделья я сотворю что-нибудь похуже, чем беременность от Тимура Тагаева, которого Дед упорно именовал «дворовой шпаной», хотя рука об руку с ним давно и основательно повышал собственное благосостояние.

Каждый день я являлась на работу, усердно занимаясь какой-нибудь ерундой, звонила десятку людей, вела

12 какие-то переговоры... Мне было невозможно поверить, что в этом есть смысл, но огорчать Деда не хотелось, к тому же я уверяла себя, что несколько месяцев до ухода в декретный отпуск протянуть вполне способна.

Тимур, разумеется, знал о моем возвращении к прежней должности, и это его наверняка убедило в правильности собственного выбора, раз уж я сделала свой. Сама я тщательно избегала любых упоминаний о нем, и Дед, конечно, тоже помалкивал, так что оставалось лишь гадать, как Тагаев живет без меня, вздохнул с облегчением, или бывшая любовь все еще не дает ему покоя и мешает крепко спать по ночам.

Первый месяц после нашего разрыва я все чего-то ждала, к примеру, звонка по телефону с глупым вопросом «как дела?», но он не звонил, что меня совсем не удивляло. Хорошо его зная, я была уверена: он вычеркнул меня из своей жизни, но, несмотря на эту уверенность, ждать не перестала и тянула с переездом к Деду. Хотя ничто не мешало мне заглянуть к Тимуру в офис или в его ресторан и тоже задать дурацкий вопрос: «Как дела?», ведь расстались мы вполне дружески. Но в этом было столько же смысла, сколько в моем возвращении на работу. Потому эта идея так и осталась не претворенной в жизнь. Однако вопреки всякой логике я подолгу колесила по родному городу в тщетной надежде, что судьба возьмет да и сведет нас с Тимуром как бы между прочим и глупые вопросы не понадобятся. Но оказалось, что случайно встретиться в большом городе не так-то просто, тем более что Тагаев к встрече со мной отнюдь не стремился. В общем, я была свободна в полнейшем и грустнейшем смысле этого слова и уповала лишь на то, что вскоре моя жизнь изменится: родится ребенок, и в ней появится смысл, по крайней мере, я на это очень рассчитывала и даже убедила себя, что буду

хорошей матерью. Тысячи людей вокруг живут так же, как и я: ходят на работу, с удивлением наблюдая, как весну сменяет лето, а лето осень, и не забывают голову размышлениями «есть ли во всем этом какой-то смысл». Следовательно, и я обойдусь. 13

Вот так обстояли мои дела на момент внезапной встречи с Ванькой, и то, что я решила непременно отыскать его мобильный, объяснялось полной сумятицей в моих мыслях и чувствах, так что Дед оказался бы прав, узнай он о моем решении и вынеси вердикт: затеяла я это от безделья.

Вернувшись к своей машине, я посмотрела на часы и подумала: самое время заглянуть на работу и создать видимость кипучей деятельности, чтобы Дед порадовался, а общественность не сомневалась, что деньги я получаю не просто так.

Только я выехала на проспект, как заметила стайку роллеров. Рассекая толпу, они двигались в сторону цирка. Знакомый свитер и бейсболка мелькнули перед глазами, и я устремилась следом. Однако импровизированная погоня длилась всего несколько минут, ребята свернули в парк и, пока я нашла место для парковки, скрылись с глаз, но в какой-то момент передо мной вновь мелькнула фигура в свитере, лица парня я по-прежнему не видела, зато обратила внимание на кожаный рюкзачок с портретом Мао Цзэдуна.

Когда я появилась в парке, он был тих и необитаем, а я досадливо чертыхнулась. Однако рюкзачок за спиной высокого худосочного парня давал слабую надежду, что встреча наша не последняя, являясь хоть и не бог весть какой, но зацепкой: такие рюкзаки продавались в салоне Кати Самохиной, известного в городе дизайнера. Парень, который мог позволить себе купить вещь из ее коллекции, вряд ли особо нуждался, и воровать мобильные у прохожих ему явно ни к чему. Следова-

14 тельно, я имею дело не с банальными воришками, а с детками, у которых адреналин в крови зашкаливает, а вот со здравым смыслом и прочим явные проблемы. Это вызвало досаду: мобильный он вполне мог выбросить в ближайшую урну, и Ванька лишится отцовского подарка. Злясь на неудачу, я вернулась к машине и поехала на работу. Охранник на входе бодро мне улыбнулся, я ответила улыбкой и упругой походкой направилась к лифту, демонстрируя таким образом желание служить Деду и народу из всех имеющихся сил.

Выйдя из лифта, я едва не столкнулась с Луганским, председателем нашего Законодательного собрания. На этот пост он заступил недавно, но уже успел растерять большую часть своего оптимизма, который произвел на меня неизгладимое впечатление вкупе с удивлением: как такой человек умудрился оказаться в этом кресле? Луганскому не так давно исполнилось тридцать пять, и смысл своей жизни он видел в Служении Народу (оба слова с большой буквы). Самое смешное, что он был вполне искренен. Не перевелись еще на свете чудачки... Он получил прекрасное образование, стажировался в Англии, после чего вернулся на родину с намерением ее осчастливить. Родина к этому была не готова. Несмотря на сногшибательный оптимизм, Луганский это понял, что от благих порывов его не уберегло, и он подался в депутаты, лелея в душе надежду изменить жизнь к лучшему. Начинать следовало с законов, вот он и начал. Образование и стажировка в Англии создали ему репутацию шибко умного, что лишало его каких-либо шансов в предвыборной гонке. Этому сильно способствовали манеры Луганского, очки в золотой оправе и привычка употреблять слова и выражения, смысл которых по большей части населению был недоступен. Он заработал прозвище Хомяк из-за пухлых щек, успешно провалил одни выборы, но тут же выставил кандидатуру

на другие. В пылу предвыборных баталий он так разошелся, что пару раз замахнулся на святое, то есть позволил себе критиковать самого Деда, впоследствии сам удивляясь своей отваге, и стал предметом бесконечных насмешек для всех, кто знал не понаслышке: тягаться с хозяином мог лишь слабоумный, к тому же начисто лишенный чувства самосохранения.

И тут всех поразил Дед, должно быть, решив, что подхалимы и лизоблюды портят его репутацию демократа и защитника угнетенных (Дед обожал время от времени обниматься со старушками и браться с рабочим классом и с этой целью не реже двух раз в год посещал предприятия, где дела шли относительно успешно), и открыто поддержал Луганского, причем особо указал на его мужество, честность и бескомпромиссность, после чего ошеломленное население, простив Луганскому его досадную образованность, проголосовало за него практически единогласно. Он уверился, что честный человек способен добиться в этой жизни многого, чем окончательно подтвердил диагноз полоумного. К Деду он воспылал огромным уважением, говорил о нем с придыханием и практически в стихах, на что Дед, имея добрую душу, ответил реверансом, и Луганский в одночасье стал председателем Законодательного собрания. Щеки раздул еще больше и горел на работе, не щадя ни себя, ни других. Но вскоре энтузиазм начал таять на глазах. Хоть Луганского и считали недоумком, но дураком он отнюдь не был, и чем отечески-ласковее говорил с ним Дед, тем печальнее он становился.

Сейчас он возвращался из заветного кабинета, и сияния в его глазах практически не наблюдалось. Я хотела проشمыгнуть мимо, но он встал как вкопанный, посмотрел на меня и молвил:

- Надо поговорить.
- О чем? — удивилась я.

16 Но Луганский уже схватил меня за руку и повлек в бар. Здесь он взял две чашки чая, сунул в свою грустный нос и замолчал, а я запечалилась. Надо сказать, мы испытывали симпатию друг к другу. По моему мнению, он был хорошим парнем, который верил в то, что мир можно изменить к лучшему, я же ни во что не верила, но чужую веру уважала. В чем причина его симпатии ко мне, осталось тайной, должно быть, он увидел во мне что-то светлое, обладая лучшим зрением, чем я, хоть и носил очки. Как-то во время приема мы оказались рядом, и он, за неимением других слушателей, начал излагать свои идеи мне. Слушатель я благодарный, потому что ленива и сама особо болтать не люблю. Он увлекся, а я, против его ожиданий, не сбежала, он вызвался меня проводить, и мы продолжили беседу после приема, то есть он все говорил, а я весело трусила рядом, радуясь хорошей погоде и возможности размять ноги. В знак благодарности я познакомила его с Сашкой, и они друг другу понравились, после чего мы еще пару часов болтались в парке. С этого, собственно, и началась наша дружба.

Теперь, видя перед собой его унылую физиономию, я гадала, чего следует ожидать от жизни. Оказалось, ничего хорошего. Он поднял голову и заявил:

— Мне нужен твой совет.

— Я принципиально не даю советов, — потрясла я головой, а он нахмурился.

— Брось. Я серьезно.

— Я тоже. Советчик из меня никудышный.

— Все знают, он к тебе прислушивается, — сказал Луганский, совершенно не обращая внимания на мои слова.

— Кто? — удивилась я.

— Дед. Поговори с ним.

— О чем? Слушай, я лучше изменю своим правилам и дам тебе совет, совершенно бесполезный, но дружеский. Излагай, что тебя печалит, друг мой.

Он посмотрел внимательно и вздохнул.

17

— Я-то думал, что могу рассчитывать на тебя.

— Зря.

— Ты можешь говорить серьезно? — обиделся он.

— Наверное. Но пробовать не хочу.

— Мой сосед погиб неделю назад от передозировки.

Мальчишке всего шестнадцать лет. Родители приличные люди...

— Бывает.

— Тебя это нисколько не волнует? — разозлился он.

— Это твой сосед, а не мой. И каждый день кто-то умирает от передозировки.

— Вот-вот. А мы стоим в стороне и делаем вид, что это нас не касается.

— Чего ты от меня хочешь? — не выдержала я.

— У меня есть сведения, что кое-кто неплохо наживается на торговле наркотой в нашем городе, кое-кто из тех, кому с этим злом положено бороться.

Признаться, я икнула от неожиданности. Сохранить святую наивность, когда седина уже пробивается на висках, способен далеко не каждый, может, правы те, кто утверждал, что Луганский у нас недоумок?

— Ну и что? — вяло поинтересовалась я.

— Как это что? — возмутился он, а я вздохнула. — Наркотой торгуют в каждом ночном клубе, в подворотне, даже в школах, — горячо продолжал он. — Ты считаешь это нормальным?

— Не считаю. Вся страна с этим борется. И мы не отстаем. По показателям наша область в числе самых благополучных...

— Прекрати.

— Хорошо, давай чай пить.

— У меня есть сведения о причастности конкретных лиц... — не унимался он.

— И с этим ты ходил к Деду? — усмехнулась я.

18 Вопрос излишний, ответ читался на его физиономии. Дед наверняка разливался соловьем, горько сетовал, предлагал объединить усилия и заговорил его едва ли не до обморока, так что бедолага скорее всего забыл, зачем пришел, и очухался только в коридоре. Дед на такие штуки мастер, мне ли не знать.

— Я уверен, он не представляет, как скверно обстоят дела в действительности, — мрачно изрек Луганский.

«А вот это в корне неверно, — мысленно усмехнулась я. — Знает, и даже очень хорошо. И борется. По-своему. Например, следит за тем, чтобы его кровный процент не затерялся в чужих карманах. Страшная тайна, известная кое-кому, в том числе и мне. Разумеется, такому человеку, как Луганский, знать об этом не положено. С большого ума он таких дров наломает...»

— Хорошо, я с ним поговорю, — кивнула я. — Хотя уверена — это излишне. Он в курсе всех проблем региона, но покончить со злом можно лишь совместными усилиями после долгой изнурительной борьбы.

— Издеваешься? — буркнул Луганский.

— Нет. Не лез бы ты не в свое дело, для этого есть специально обученные люди. Кое-что у них получается. Недавно некие граждане лишились тепленьких мест, а Дед официально заявил, что с коррупцией в рядах вскоре будет покончено.

— Все-таки издеваешься, — кивнул он, поднялся и ушел, а я загрустила. Допила чай и отправилась к себе.

Не успела я с удобствами устроиться в родном кабинете, попутно пытаясь решить, чем себя занять в ближайшее время, как дверь открылась, и в комнату вошел Дед. Надо сказать, после моего водворения здесь он взял за правило заглядывать ко мне хотя бы раз в день. Может, моя физиономия повышала его работоспособность, а может, он просто желал убедиться, что никуда я не сбегала и отрабатываю потраченные на меня деньги.

— Привет, — сказал он, проходя к столу 19
и устраиваясь в кресле, и добавил: — Прекрасно
выглядишь.

Я согласно кивнула, не желая его расстраивать, хотя
и в самом деле выглядела неплохо, однако женщины
редко бывают абсолютно довольны своей внешностью,
и я не исключение. Дед подумал и поцеловал меня в лоб
по-отечески и после этого устроился в кресле основа-
тельно, а я заподозрила, что он не просто так пришел.
Однако причину своего появления Дед открывать не
спешил, и я тоже торопиться не стала.

— Что нового? — спросил он довольно равнодушно.

Надо полагать, вопрос был риторический. Дед обо-
жает риторические вопросы, я, кстати, ничего против
не имею, раз отвечать на них необязательно, но что-то
все-таки сказать было надо, и я сообщила:

— В городе появилась банда подростков на роли-
ках, тырят у прохожих мобильные.

Деду это сообщение по неведомой причине не по-
нравилось.

— У тебя украли мобильный? — нахмурился он.

— У меня — нет. Но я была свидетелем данного бе-
зобразия.

— И что? — продолжил он хмуриться.

— Ничего, — пожала я плечами.

— Слава богу, я боялся, ты кинулась восстанавли-
вать справедливость, забыв, что в твоём положении...

— Когда ты это говоришь, я чувствую себя смер-
тельно больной.

— Я беспокоюсь за тебя, — вздохнул он и посверлил
меня взглядом. — Ты давно виделась с Луганским? — мяг-
ко спросил он, но я насторожилась. Хорошо зная Деда,
я предположила, что вопрос этот он задал не просто так.

— Только что, — ответила я. Дед взглянул исподло-
бья, словно прицениваясь. Иногда он забывался, вот

20 как сейчас, и его взгляд становился до того жестким, что под ним невольно ерзать начинаешь, впрочем, для меня это пройденный этап.

— Кажется, он тебе доверяет, — заметил Дед.

— Непонятно почему, — кивнула я.

— Как раз понятно, — пожал он плечами. — У тебя репутация порядочного человека, далеко не каждый может похвастаться этим.

Его слова о моей репутации, признаться, удивили. Я-то думала, что меня считают в худшем случае алкоголичкой, а в лучшем — дурно воспитанной особой. Еще более странным показалось то, что Дед заговорил об этом, да еще в таком тоне, будто нимало не сомневался в том, что общественность на сей счет права.

— Спасибо на добром слове, — не зная, что ответить, сказала я и растянула рот в улыбке.

Дед опять нахмурился.

— Не юродствуй.

— Не буду.

— Так что Луганский?

— В каком смысле?

Взгляд Деда посуровел еще больше, но тут он, должно быть, вспомнил о моем интересном положении и вздохнул.

— Он был у меня сегодня. Говорил дельные вещи. Правда, кое-что показалось мне преждевременным и даже неуместным.

— Ничего не могу сказать по этому поводу, — продолжая улыбаться, заметила я. — Мы выпили в баре чаю, но мне он ничего заслуживающего внимания не сказал.

Вряд ли Дед мне поверил, несмотря на то что взгляд мой был открытым, а улыбка максимально искренней, и, между прочим, зря не поверил: с моей точки зрения, Луганский действительно не сказал ничего толкового.

— Бог с ним, — легко отмахнулся Дед, то ли Луганский мало его заботил, то ли он понял, что разговор со мной ничего не даст. — У меня к тебе просьба, личная. — Он вздохнул и сделал паузу, а я продемонстрировала сильнейшую заинтересованность. — Ко мне обратилась моя знакомая, ты ее должна помнить, Максимова Ирина Николаевна.

— Константиновна, — поправила я.

— Да, конечно.

Максимова Ирина Константиновна работала в фирме Деда в те времена, когда он еще не был «нашим всем», а являлся успешным бизнесменом. Высокая красивая брюнетка была умна и обаятельна, разумеется, Дед не мог не обратить на нее внимания, а она не могла ему отказать в большой любви. Дед действовал на женщин всегда одинаково, независимо от того, брюнетки они или блондинки, дуры или умные. Все, как одна, готовы были любить его всю жизнь, но он от подобных идей в восторг не приходил, им надлежало довольствоваться его весьма непродолжительным вниманием, однако, как я уже говорила, Дед умудрялся с каждой расстаться дружески, хотя это зачастую и стоило ему больших нервов. Максимова, помнится, развелась с мужем, после отставки пыталась отравиться и до сих пор живет одна, чем и запомнилась мне, в отличие от двух десятков других возлюбленных Деда, которые начисто стерлись из памяти.

Я взглянула на Деда: время идет, а он как будто не меняется. Спина прямая, плечи расправлены, подтянутый, бодрый, морщинки вокруг глаз выглядят очень сексуально, а седая шевелюра придает его облику благородство. Следует признать, Дед, несмотря на то что свое шестидесятилетие уже отпраздновал, до сих пор завидный жених.

— Так вот, — продолжал он. — Там какая-то странная история с сестрой. Был бы тебе очень признателен,

22 разберись ты, в чем дело. — Дед выдал свою предвыборную улыбку, и стало ясно, что мне от задания не отвертеться.

— Хорошо, — без энтузиазма согласилась я. — А в чем, собственно, дело?

— Да я и сам толком не знаю. Вот ее телефон, встретиться и разберись.

С этими словами он поднялся, еще раз поцеловал меня в лоб и удалился. А я задумалась. Дед никогда не отказывал бывшим пассиям в помощи и поддержке, но у меня закралось подозрение, что в данном случае мне злостно пудрят мозги. Дело наверняка яйца выеденного не стоит, но я буду занята, и мысли мои тоже. Тут я вспомнила о Луганском и загрустила. Но бумагу с номером телефона Максимовой сунула в карман. В принципе, я могла позвонить ей прямо сейчас, однако решила, что это подождет. Для начала я хотела разобраться с Ванькой, точнее, с роллерами, потому и отправилась через полчаса в салон Кати Самохиной. Он располагался в самом центре на бойком месте, между двумя торговыми центрами. Золотые буквы на фасаде, в огромной витрине четыре манекена, выкрашенные в зелено-золотой цвет, представляли последнюю коллекцию. Я держалась перед витриной, удовлетворенно кивнула и вошла в салон.

Две девушки бросились ко мне с приветствиями, за неимением других посетителей, всю свою любовь излив на меня. Надо сказать, меня здесь хорошо знали. Я не только покупала у Кати сумки, ремни и прочие мелочи, в нарядах от Самохиной я неоднократно появлялась в обществе: одни считали это большим личным мужеством, другие — белой горячкой.

Пока девушки щебетали, из-за стеклянной двери показалась Кати, так как я числилась в клиентах, которыми занималась сама хозяйка.